

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ*

Н.В. Платонова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

21 марта 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2024 г.

Ключевые слова

Банкротство, установление размера требований кредиторов, признание недействительной мнимой сделки, стандарт доказывания, достоверность доказательств, источник доказательства, баланс вероятностей, ясные и убедительные доказательства

Рассматривается проблема стандартов доказывания по делам об установлении размера требований кредиторов должника. Анализируется абз. 3 п. 26 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Делается вывод, что данное разъяснение представляет собой конкретизацию применительно к делам о банкротстве универсального тезиса о связи достоверности доказательства и его источника, а подход Высшего Арбитражного Суда РФ не может быть воспринят как вводящий повышенные стандарты доказывания.

ON THE ISSUE OF STANDARDS OF PROOF IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN BANKRUPTCY CASES**

Natalia V. Platonova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 March 21

Accepted –

2024 June 20

Available online –

2024 September 20

Keywords

Bankruptcy, establishing the size of creditors' claims, recognition of a fictitious transaction as invalid, standard of proof, credibility in evidence, source of evidence, balance of probabilities, clear and convincing evidence

The subject. Paragraph 3 of item 26 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation (SAC) dated June, 22, 2012 No. 35 "On some procedural issues related to consideration of bankruptcy cases" has been interpreted by doctrine and judicial practice as establishing a higher standard of proof for certain disputes considered in bankruptcy cases. However, the SAC does not mention any standards; the court's explanations are dedicated to assessing the reliability of evidence coming from a person interested in the favorable case outcome. Therefore, before concluding that the SAC introduced standards of proof, its approach should be analyzed from the perspective of concepts long known to Russian procedural law, namely: "credibility in evidence", "source of evidence".

The purpose of the study. To determine whether paragraph 3 of item 26 of the Resolution of the Plenum of the SAC dated June, 22, 2012 No. 35 establishes any standard of proof.

Methodology. Methods of analysis and comparison based on practice of the SAC, of the Supreme Court of the Russian Federation, of scientific research in the field of civil procedural law.

The main results of research and the field of their application. The approach of the SAC represents a specification of the universal thesis that credibility in evidence is linked to its source, in relation to bankruptcy cases. The addressed explanation cannot be perceived as

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00565 «Стандарты доказывания в российской правовой системе», <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

** The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00565, "Standards of proof in the Russian legal system", <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

introducing higher standards of proof for bankruptcy cases. Evidence is assessed based on properties of its source when resolving any civil law dispute.

Conclusion. The conclusion about existence of a fact cannot be made solely on the basis of evidence which source is a person interested in establishing this fact.

1. Введение

В последние годы тема стандартов доказывания привлекла к себе немалое внимание исследователей [1–11]. Как указывают А.Г. Карапетов и А.С. Косарев, понятие «стандарт доказывания» определяет минимальную степень субъективной уверенности судьи в истинности спорного факта, при которой суд готов признать бремя доказывания, возложенное на соответствующую сторону, выполненным, бремя опровержения (доказывания обратного) – перешедшим на оппонента, а соответствующее фактическое обстоятельство после исследования и оценки всех предъявленных этой стороной и оппонентом доказательств – доказанным [12]. По мнению И.В. Решетниковой, стандарт доказывания представляет собой определенную степень уверенности в том, что обстоятельства по делу установлены и суд может выносить решение по делу [13]. А.А. Смола предлагает следующее определение стандарта доказывания: это совокупность критериев оценки доказательств, подлежащих применению судами при рассмотрении дел определенной категории и позволяющих, в частности, определить достаточность доказательств необходимой степени достоверности (для того или иного правового вывода) [14]. С.Л. Будылин определяет стандарт доказывания как критерий, на основании которого для целей судебного процесса устанавливается, имел ли место определенный факт [15].

Предметом нашего рассмотрения станет подход Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС) РФ, выраженный им в абз. 3 п. 26 Постановления Пленума от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – Постановление № 35). Приведем его полностью: «При оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, подтверждаемого только его распиской или квитанцией к приходному кассовому ордеру, суду надлежит учитывать среди прочего следующие обстоятельства:

позволяло ли финансовое положение кредитора (с учетом его доходов) предоставить должнику соответствующие денежные средства, имеются ли в деле удовлетворительные сведения о том, как полученные средства были истрачены должником, отражались ли получение этих средств в бухгалтерском и налоговом учете и отчетности и т. д. Также в таких случаях при наличии сомнений во времени изготовления документов суд может назначить соответствующую экспертизу, в том числе по своей инициативе (пункт 3 статьи 50 Закона о банкротстве)».

Данное положение стало основой серии правовых позиций Верховного Суда РФ, касающихся стандартов доказывания по делам о банкротстве. Так, в одном из определений суд отмечает: «В условиях банкротства должника и конкуренции его кредиторов для предотвращения необоснованных требований к должнику и нарушений тем самым прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника-банкрота, предъявляются повышенные требования»¹.

В Определении от 22 августа 2022 г. № 305-ЭС22-7163 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отменив акты судов нижестоящих инстанций, указала, что ими не был установлен факт осуществления кредитором оплаты с точки зрения стандарта, предусмотренного п. 26 Постановления № 35².

2. Введен ли повышенный стандарт доказывания по делам об установлении размера требований кредиторов?

Заключая, что подход ВАС РФ – не что иное, как стандарт доказывания, Верховный Суд РФ одновременно определяет и вид такого стандарта. Например, суд пишет: «Основанием к включению требования в реестр является представление кредитором доказательств, ясно и убедительно подтверждающих наличие и размер задолженности перед ним (пункт 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 сентября 2017 г. № 309-ЭС17-344(2) по делу № А47-9676/2015. Здесь и далее нормативные правовые и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22 августа 2022 г. № 305-ЭС22-7163 по делу № А41-34210/2020.

№ 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”)»³. Слова «ясно и убедительно» вполне определенно отсылают к стандарту доказывания «ясные и убедительные доказательства» (*clear and convincing evidence*), применяемому судами США и исследованному в российской доктрине на предмет возможного заимствования. Как отмечает С.Л. Будылин, стандарт «ясные и убедительные доказательства» более жесткий, чем «перевес доказательств»⁴, и его суть в том, что сторона должна убедить присяжных (или судью), что достоверность рассматриваемого факта весьма вероятна, или породить у них твердую уверенность, что факт правдив. Вместе с тем устранять все разумные сомнения этот стандарт не требует [15].

По всей видимости, Верховный Суд РФ придерживается следующей логики. Если бы банкротства не было, и кредитор обратился к должнику с иском о взыскании денежных средств, полученных последним по договору займа, предъявление надлежащим образом составленной расписки позволило бы истцу успешно доказать факт передачи наличных денежных средств. Однако в ситуации банкротства правила изменяются – теперь для установления нужного кредитору факта расписки недостаточно. Значит, стандарт доказывания «повысился», и теперь это не «перевес доказательств», применяемый по мысли Верховного Суда РФ в ординарном искомом процессе, а «ясные и убедительные доказательства».

Надо признать, что дифференциация роли тех или иных доказательств для различных споров и процедур абсолютно оправданна, однако в основе своей она имеет вовсе не применение разных стандартов доказывания. Выдвинем следующее предположение: речь в п. 26 Постановления № 35 идет не о стандартах доказывания, а о связи достоверности доказательства и его источника.

Всякое доказательство должно иметь источник своего происхождения⁵, указание источника – это требование, выполнение которого позволяет считать доказательство судебным. Но раскрытый участником процесса источник подчас обладает своими особенностями, признаками, недостатками, важными для оценки представленных сторонами сведе-

ний. Потому возникает вопрос: возможно ли оценивать достоверность доказательства исходя из свойств его источника? И если да – в каких пределах?

В доктрине гражданского процесса рассуждения на эту тему строятся, главным образом, вокруг личных доказательств, что неудивительно: положение субъектов, дающих суду объяснения или показания, нередко может выступить поводом для сомнений в истинности представленных ими сведений.

Размышляя об оценке достоверности личных доказательств, К.С. Юдельсон отмечает, что «оценка личности субъекта, дающего суду сведения, а также его отношения со сторонами и заинтересованность в исходе дела не могут быть критерием достоверности доказательства» [16, с. 99]. При этом автор полагает, что это не исключает учета при оценке достоверности доказательств указанных обстоятельств в связи с другими данными дела [16, с. 100], и соглашается с невозможностью вынести решение в пользу истца на основе одних только показаний свидетелей, неприязненно относящихся к ответчику [16, с. 99]. Насколько мы можем судить, точка зрения К.С. Юдельсона состоит в том, что заинтересованность лица, выступающего источником доказательства, не является безусловным свидетельством его недостоверности (в противном случае объяснения сторон и третьих лиц следовало бы сразу исключить из числа доказательств по делу) [16, с. 99], однако такие доказательства могут быть признаны достоверными лишь при наличии иных свидетельств факта.

М.К. Треушников применительно к объяснениям сторон пишет: «Сложность оценки объяснения сторон определяется тем, что информация, подлежащая оценке, идет от лиц, заинтересованных в исходе дела... Это обстоятельство требует от суда особого внимания при решении вопроса о достоверности или ложности полученных от сторон сведений о фактах» [17, с. 193]. Ту же трудность автор констатирует и применительно к показаниям свидетелей, «когда свидетели той или другой стороны имеют определенную, хотя и неюридическую заинтересованность в исходе дела и излагают факты под углом зрения интересов какой-либо стороны» [17, с. 210].

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 303-ЭС23-17584 по делу № А73-6893/2021. См. также Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу № А32-43610/2015.

⁴ В английском варианте – «баланс вероятностей».

⁵ Данный вывод следует из положения ч. 2 ст. 50 Конституции РФ: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона».

Надо заметить, что подтверждение связи достоверности доказательства и его источника обнаруживаются в нормах процессуального закона. Например, в силу ч. 2 ст. 177 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ при допросе свидетеля председательствующий выясняет отношение свидетеля к лицам, участвующим в деле. Вполне очевидно, что данное правило нацелено на выявление предубеждений свидетеля против кого-либо из лиц, участвующих в деле, мотивов дать неточные, ложные показания. Информация, сообщенная свидетелем о своих взаимоотношениях со сторонами спора, может стать мотивом оценки доказательства как достоверного или, напротив, доверия не заслуживающего. М.А. Фокина по поводу правила ч. 2 ст. 177 ГПК РФ отмечает, что большинство свидетелей по гражданским делам состоят в дружеских, родственных, служебных отношениях со стороной, и знание характера взаимоотношений стороны и свидетеля важно для правильной оценки показаний свидетелей [18]. К схожему выводу приходит В.В. Молчанов [19].

Частью 1 ст. 68 ГПК РФ установлено, что объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, подлежат проверке и оценке наряду с другими доказательствами. Как указывает И.В. Решетникова, данное правило обусловлено спецификой объяснений сторон и третьих лиц и состоит в том, что объяснения в суде даются самими заинтересованными лицами, которые лучше всех осведомлены о сути рассматриваемого спора. При проверке достоверности сведений, сообщенных названными лицами, должна учитываться их заинтересованность в исходе дела [20].

Имея в виду, что достоверность доказательства в целом может оцениваться исходя из характеристик его источника, рассмотрим разъяснение, данное Пленумом ВАС РФ в п. 26 Постановления № 35. В процедуре установления обоснованности требований кредиторов судом разрешается спор о праве между кредитором и должником. Однако спор в деле о банкротстве имеет принципиальное различие с ординарным иском производством: ввиду несостоятельности должника удовлетворение требований вступающего кредитора затронет интересы иных кредиторов. Во-первых, конкурирующие кредиторы претендуют на имущество должника, и так не достаточное для погашения всех долгов банкрота, а во-вторых, заинтересованы в сохранении своего влияния на управление процедурой банкротства. Интерес конкурирующих кредиторов (по крайней

мере, при первом взгляде на вопрос) определяет их право на предъявление возражений относительно требований кредиторов, вступающих в реестр (ч. 2 ст. 71 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Одновременно с этим должник с момента появления признаков несостоятельности перестает действовать в интересах своих кредиторов [21, с. 353–354]. Как предполагается, им руководят иные цели: скрыть имущество, на которое может быть обращено взыскание, а также нарастить объем фиктивной контролируемой задолженности, чтобы не допустить распределение активов в пользу реальных кредиторов. В этом смысле интересы должника противостоят интересам кредитора, возражающего против вступления в реестр иных лиц.

Источником письменного доказательства, так же как и доказательства личного, является человек [16, с. 192]. ВАС РФ, формулируя свой подход, указывает на два доказательства передачи должнику наличных денежных средств – расписку и квитанцию к приходному кассовому ордеру. Источником обоих этих документов является должник – лицо, противостоящее кредитору, заявляющему возражения, лицо, правовое положение которого с необходимостью влечет предположение о наличии интереса во вступлении кредитора в реестр. Суд поэтому заключает, что невозможно обосновать выводы только доказательствами, полученными от должника (в смысле источника). В отсутствии иных подтверждений факта передачи средств расписка и квитанция не заслуживают доверия. Далее, в полном соответствии с предлагаемым нами толкованием, ВАС РФ отмечает, что требуются иные доказательства (либо установление доказательственных фактов – финансового положения кредитора, расходования средств должником и т. д. [17, с. 22]), лишь при их наличии суд может сделать вывод о существовании спорного факта.

Стандарт доказывания ВАС РФ не изменяет: он ровно такой же, что и в ординарном иском процессе. Убедить суд нужно на уровне «баланса вероятностей», однако эта вероятность отсутствует вовсе, если представлены одни только доказательства из ненадежного источника.

Здесь надо оговориться. Как мы отметили выше, существует подход, которым стандарты доказывания определяются как критерии оценки доказательств [14]. Согласившись с ним, надо признать, что ВАС РФ формулировал стандарт доказывания, поскольку правило: «доказательство, источником которого является лицо, заинтересованное в исходе дела, не может

быть названо достоверным в отсутствие иных доказательств» – относится к оценке судом доказательств. Тогда вопрос о стандарте доказывания в рассматриваемом нами постановлении – это вопрос о новом (возможно корректном) термине для известного явления, вопрос, лишенный, казалось бы, практической значимости.

Вместе с тем, определив сформулированное ВАС РФ правило как повышенный стандарт «ясные и убедительные доказательства», надо прийти к выводу, что применяется это правило только в делах о банкротстве⁶. Такое заключение, однако, следует подвергнуть критике.

Приведем пример. Участник общества с ограниченной ответственностью обращается с требованием о взыскании убытков с директора (ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ), указывая, что тот заключил с компанией договор подряда, работы по договору не выполнены, однако оплачены со счета общества. При этом в компании-подрядчике ответчик также является директором и одновременно – единственным участником. Возражая против удовлетворения требований, директор указывает, что работы в действительности были выполнены и представляет в подтверждение акты приемки выполненных работ, подписанные обеими сторонами договора подряда.

Надо ли заключить, что предъявление актов выполненных работ позволит ответчику выиграть дело? Или всё же – как в делах о банкротстве, так и здесь – подобное доказательство в отсутствие иных свидетельств факта должно быть оценено судом как недостоверное, поскольку его источник – заинтересованное лицо?

Рассуждая в контексте стандартов доказывания, мы неизбежно приходим к выводу, что повышенный стандарт к возражениям директора против иска участника из нарушения директором фидуциарных обязанностей применен быть не может, напротив, есть основания думать, что повышенный стандарт доказывания должен выполнить истец⁷. Результат очевиден – доказав на уровне «внебанкротного»

стандарта выполнение работ, ответчик выиграет спор. Однако с точки зрения постулата о связи источника и достоверности акты выполненных работ, подписанные ответчиком от имени обеих организаций, не будут признаны достоверными, и для обоснования возражений ответчика потребуются иные доказательства. Нетрудно заключить, что второе решение является много более справедливым.

Отметим, что п. 26 Постановления № 35 первоначально не был воспринят доктриной как устанавливающий стандарты доказывания [23; 24]. Например, по мнению Е.Д. Суворова, в данном разъяснении изложена презумпция отсутствия требования кредитора. При этом автор полагает, что распространение подобной логики на иные процессы, не являющиеся производствами по установлению требований кредиторов в деле о банкротстве, недопустимо: презумпция отсутствия долга должна применяться только при рассмотрении споров об установлении такого долга [23]. Такой подход, однако, неоспорен. Во-первых, доказать факты, положенные в основу притязания, должен кредитор, предъявивший свои требования к должнику (ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ), и потому презумпция отсутствия долга лишена всякого смысла. Во-вторых, конкурирующий кредитор не может быть поставлен перед необходимостью доказывать отрицательный факт «наличные деньги не передавались должнику», лежащий в основе его возражения. Для объяснения этого обстоятельства также не требуется какая-либо специальная презумпция. ВАС РФ не перераспределяет бремя доказывания, лежащее на участниках процесса в силу общих норм процессуального закона.

3. Установлен ли повышенный стандарт доказывания по делам о признании мнимой сделки недействительной?

Пункт 26 Постановления № 35 упоминается также в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.), где в п. 20 сформулирована следующая позиция: «Если

⁶ Данный тезис встречается в практике судов. См., напр., постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 марта 2022 г. № Ф09-3/22 по делу № А60-20544/2021, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 марта 2022 г. № Ф04-4644/2021 по делу № А81-558/2020.

⁷ В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30 сентября 2019 г. № 305-ЭС16-18600(5-8) выражена следующая позиция: «стандарт доказывания по искам (статья 53.1 Гражданского кодекса

Российской Федерации) о взыскании убытков с лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица (ясные и убедительные доказательства), отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве (баланс вероятностей)». Вопрос о том, к доказыванию каких фактов в деле о взыскании убытков следует применять повышенный стандарт доказывания, – предмет отдельной дискуссии (см.: [22]).

конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки».

Это разъяснение допускает двоякое толкование. С одной стороны, указано, что конкурсному кредитору надо обосновать существенные сомнения в действительности сделки. Значит, существенных сомнений достаточно, чтобы отказать кредитору во вступлении в реестр. Именно так в праве Англии и США понимается стандарт «вне разумных сомнений», его выполнение означает, что в достоверности факта (виновности обвиняемого по уголовному делу) не должно остаться разумных сомнений. Такой стандарт и должен выполнить кредитор, на которого возложено бремя доказывания действительности сделки. С другой стороны, тезис Верховного Суда РФ можно понять в том смысле, что обоснование существенного сомнения (т. е. представление доказательства *prima facie*) влечет только переход бремени доказывания на конкурсному кредитору – сторону сделки, и далее это бремя должно быть им выполнено по ординарному для гражданских дел стандарту «баланс вероятностей».

Далее позиция Верховного Суда РФ, выраженная в п. 20 Обзора судебной практики № 5 2017 г., была воспроизведена в п. 1 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.), но уже с некоторыми уточнениями: «на аффилированном с должником кредиторе лежит бремя опровержения разумных сомнений относительно мнимости договора, на котором основано его требование, заявленное в деле о банкротстве». Данный вывод простора для интерпретаций не оставляет. Коль скоро вступление в реестр требований кредиторов невозможно, когда сохранились сомнения в действительности сделки, кредитору необходимо выполнить стандарт доказывания «вне разумных сомнений».

Оставляя за скобками вопрос о том, допустим ли в принципе столь высокий стандарт доказывания вне уголовного судопроизводства, отметим: несмотря на формулировки итоговых разъяснений, аргументы суда и обстоятельства рассмотренных им дел свидетельствуют о том, что в действительности каких-либо повышенных стандартов доказывания данным актом введено не было.

В Обзоре судебной практики № 5 2017 г. Верховный Суд РФ приводит следующее объяснение: «Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (далее также – “дружественный” кредитор) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Сокрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу “дружественного” кредитора». Далее суд ссылается на п. 26 Постановления № 35 и заключает, что, проверяя заявление о дефектах сделки, судам надлежит устанавливать иные факты (имелось ли у фирмы имущество, указанное в договоре хранения, мог ли хранитель исполнять обязательство с учетом особенностей предмета хранения и т. д.). Аналогичные разъяснения приводятся в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: «...при наличии в рамках дела о банкротстве возражений о мнимости договора суд не должен ограничиваться проверкой документов, представленных кредитором, на соответствие формальным требованиям, установленным законом. Суду необходимо выяснить, представлены ли достаточные доказательства существования фактических отношений по договору».

Вместе с тем для обоснования того, что сделка совершена с намерением создать соответствующие ей правовые последствия (и значит, не является мнимой), «совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора», недостаточно никогда. Как справедливо отмечают исследователи, исходя из текста мнимой сделки, невозможно сделать вывод о ее мнимости, поскольку именно на восприятие своего волеизъявления «за чистую монету» и рассчитывают лица, совершающие такую сделку. Поэтому мнимость сделки обычно устанавливается на основании оценки фактических обстоятельств, связанных с заключением и исполнением сделки [25]. Внешне без-

упречные доказательства заключения и исполнения договора в принципе характерны для мнимой сделки, поскольку это основание недействительности предполагает создание видимости правоотношения без намерения приобрести, изменить или прекратить права и обязанности.

Тем более безупречные доказательства появятся там, где мнимая сделка противопоставляется третьему лицу – субъекту, не являющемуся стороной спорного правоотношения и не имевшему возможности повлиять на создание письменных доказательств. Интересы ответчиков – сторон мнимой сделки в споре против лица, субъектом договора не являвшегося, как правило, будут совпадать и заключаться в сохранении соглашения: это, вопреки выводам Верховного Суда РФ, вовсе не особенность производства по делу о банкротстве. Как в ординарном исковом процессе, так и в процедуре установления требований кредитора по делу о несостоятельности одни только письменные доказательства, исходящие от сторон соглашения, не могут быть положены в основу вывода суда о действительности сделки.

Данный тезис в сущности поддерживает и сам Верховный Суд РФ. Например, оценивая судебные акты, принятые по иску цессионария о взыскании задолженности по договору поставки, Верховный Суд РФ отметил, что «при рассмотрении вопроса о мнимости договора поставки и документов, подтверждающих передачу товара, суд не должен ограничиваться проверкой того, соответствуют ли представ-

ленные документы формальным требованиям, которые установлены законом. При проверке действительности сделки суду необходимо установить наличие или отсутствие фактических отношений по сделке». Как мы видим, суд полагает необходимым проверять довод о мнимости договора в исковом процессе так же, как и в банкротной процедуре – не ограничиваясь проверкой соответствия документов «формальным требованиям». При этом далее коллегия отметила: «Наличие или отсутствие фактических отношений по сделке является юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению по делу, и не может рассматриваться как повышенный стандарт доказывания, применимый только в делах о банкротстве»⁸.

Приведенный подход определенно верный, но верный он потому, что выяснение наличия или отсутствия фактических отношений не может рассматриваться как повышенный стандарт доказывания ни в делах о включении требований кредиторов реестра, ни в иных спорах.

4. Заключение

Постановление № 35, положенное Верховным Судом РФ в основу тезиса о повышенных стандартах доказывания по делам о банкротстве, в действительности стандартов не вводит и предпосылок к такому введению не содержит. ВАС РФ своим разъяснением лишь конкретизировал применительно к делам о банкротстве абсолютно универсальный тезис – достоверность доказательства оценивается в том числе исходя из его источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргунов В. В. О так называемых стандартах доказывания применительно к отечественному судопроизводству / В. В. Аргунов, М. О. Долова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 2. – С. 76–104. – DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104.
2. Барышников П. С. Эмпирические методы в науке гражданского процессуального права / П. С. Барышников // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 11. – С. 26–34.
3. Глащенко В. Д. К вопросу о соотношении категории стандарта доказывания со смежными институтами доказательственного права в гражданском процессе / В. Д. Глащенко // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 10. – С. 34–39.
4. Глушков А. Н. Судебная практика применения стандартов доказывания в России / А. Н. Глушков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 5. – С. 38–43.
5. Карпова А. А. Принцип свободной оценки доказательств и стандарты доказывания: положения немецкой доктрины и правоприменительной практики и российская правовая действительность / А. А. Карпова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. – С. 138–163.

⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 сентября 2019 г. № 46-КГ19-17 (п. 3 Обзора судебной практики Вер-

ховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.)).

6. Козлов М. А. Генезис стандартов доказывания в европейской правовой традиции: краткий исторический очерк / М. А. Козлов // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 105–118.
7. Сергеева С. Л. Стандарты доказывания в делах о несостоятельности (банкротстве) / С. Л. Сергеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 2. – С. 26–30.
8. Сердитова Е. Н. Некоторые аспекты применения норм о доказывании при рассмотрении в деле о банкротстве обособленных споров о включении требования в реестр требований кредиторов должника / Е. Н. Сердитова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 394–410.
9. Смольников Д. И. Мифы о стандартах доказывания / Д. И. Смольников // Закон. – 2015. – № 12. – С. 199–205.
10. Терещенко Т. А. Стандарты доказывания и осмотрительности в работе налоговых органов и деятельности предпринимателей (тенденции) / Т. А. Терещенко, В. А. Амелчук // Арбитражные споры. – 2023. – № 2. – С. 74–85.
11. Ярошенко Т. В. Стандарты доказывания в гражданском судопроизводстве: проблемы и перспективы правового регулирования / Т. В. Ярошенко, И. В. Дыханов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 3. – С. 32–34.
12. Карапетов А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А. Г. Карапетов, А. С. Косарев. – М. : Закон, 2019. – 96 с. – (Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5).
13. Решетникова И. В. Стандарт доказывания / И. В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 26–27.
14. Смола А. А. Стандарты, доказывание и Верховный Суд / А. А. Смола // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 8. – С. 129–165.
15. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С. Л. Будылин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 3. – С. 25–57.
16. Юдельсон К. С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе / К. С. Юдельсон. – М., 1956. – 251 с.
17. Треушников М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. – М. : Городец, 2016. – 304 с.
18. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / под ред. М. А. Фокиной. – М. : Статут, 2019. – 656 с.
19. Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушникова. – М. : Статут, 2014. – 960 с.
20. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. – М., 2021. – 472 с.
21. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1912. – 596 с.
22. Основные положения гражданского права : постатейн. коммент. к ст. 1–16.1 Гражд. кодекса Рос. Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2020. – 1469 с.
23. Суворов Е. Д. Банкротство в практике Президиума ВАС РФ за 2014 г.: прецеденты и комментарии. – М. : Статут, 2015. – 400 с.
24. Алоян А. Э. Проблемы имплементации доктрины *recharacterization* в российскую правовую систему / А. Э. Алоян // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17, № 6. – С. 221–240.
25. Сделки, представительство, исковая давность : постатейн. коммент. к ст. 153–208 Гражд. кодекса Рос. Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2018. – 1264 с.

REFERENCES

1. Argunov V.V., Dolova M.O. On the So-Called Standards of Proof in the Context of the Domestic Judicial Procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 2, pp. 76–104. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-2-76-104. (In Russ.).
2. Barishnikov P.S. Empirical methods in the science of civil procedure. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 11, pp. 26–34. (In Russ.).

3. Glaschenko V.D. On the Correlation between the Category of the Standard of Proof and Related Institutions of the Law of Evidence in a Civil Procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, no. 10, pp. 34–39. (In Russ.).
4. Glushkov A.N. Case Law of Application of Standards of Proving in Russia. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2019, no. 5, pp. 38–43. (In Russ.).
5. Karpova A. The Principle of Free Evidence Assessment and Standards of Proof: The Approaches in German Civil Procedural Law and Judicial Practice and Russian Legal Reality. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2023, no. 6, pp. 138–163. (In Russ.).
6. Kozlov M.A. The Genesis of Standards of Proof in European Legal Tradition: a Brief Historical Outline. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2022, no. 3, pp. 105–118. (In Russ.).
7. Sergeeva S.L. Standards of Proving in Insolvency (Bankruptcy) Cases. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2023, no. 2, pp. 26–30. (In Russ.).
8. Serditova E.N. Some Aspects of the Application of the Rules on Evidence in the Consideration in the Bankruptcy Case of Completed Disputes on the Inclusion of Requirements in the List of Creditors of the Debtor. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa = Herald of Civil Procedure*, 2019, no. 1, pp. 394–410. (In Russ.).
9. Smolnikov D.I. Myths about standards of proof. *Zakon*, 2015, no. 12, pp. 199–205. (In Russ.).
10. Tereshchenko T.A., Amelchuk V.A. Standards of evidence and diligence in the work of tax authorities and the activities of entrepreneurs (trends). *Arbitrazhnye spory*, 2023, no. 2, pp. 74–85. (In Russ.).
11. Yaroshenko T.V., Dykhanov I.V. Standards of Proving in Civil Proceedings: Legal Regulation Problems and Prospects. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2022, no. 3, pp. 32–34. (In Russ.).
12. Karapetov A., Kosarev A. *Standards of Proof: Analytical and Empirical Research*, Supplement to *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2019, no. 5. Moscow, Zakon Publ., 2019. 96 p. (In Russ.).
13. Reshetnikova I.V. Standard of Proof. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2021, no. 8, pp. 26–27. (In Russ.).
14. Smola A. Standards, Evidence and the Supreme Court. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, 2018, no. 8, pp. 129–165. (In Russ.).
15. Budylin S.L. Internal Conviction or Balance of Probabilities? Standards of Proof in Russia and Abroad. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russ.).
16. Yudel'son K.S. *Judicial evidence and the practice of its use in Soviet civil proceeding*. Moscow, 1956. 251 p. (In Russ.).
17. Treushnikov M.K. *Judicial evidence*. Moscow, Gorodets Publ., 2016. 304 p. (In Russ.).
18. Fokina M.A. (ed.). *Course on Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure. Administrative proceedings*. Moscow, Statut Publ., 2019. 656 p. (In Russ.).
19. Treushnikov M.K. (ed.). *Civil Procedure*, Textbook. Moscow, Statut Publ., 2014. 960 p. (In Russ.).
20. Reshetnikova I.V. (ed.). *Handbook of Evidence in Civil Proceedings*. Moscow, 2021. 472 p. (In Russ.).
21. Shershenevich G.F. *Course on Trade Law. Vol. IV. Trade Process. Competitive Process*. Moscow, 1912. 596 p. (In Russ.).
22. Karapetov A.G. (ed.). *Basic provisions of civil law*, Article-by-article commentary on articles 1 - 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, M-Logos Publ., 2020. 1469 p. (In Russ.).
23. Suvorov E.D. *Bankruptcy in the Practice of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation for 2014: Acts and Comments*. Moscow, Statut Publ., 2015. 400 p. (In Russ.).
24. Aloyan A.E. Problems of Implementation of the Recharacterization Doctrine in the Russian Legal System. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*, 2017, vol. 17, no. 6, pp. 221–240. (In Russ.).
25. Karapetov A.G. (ed.). *Transactions, Representation, Limitation of Action*, Article-by-Article Commentary on Articles 153 to 208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, M-Logos Publ., 2018. 1264 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Платонова Наталья Вячеславовна – старший преподаватель, младший научный сотрудник кафедры гражданского процесса

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia V. Platonova – senior lecturer, junior researcher, Department of Civil Procedure
St. Petersburg University

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университет-
ская наб., 7/9
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034,
Russia
E-mail: n.v.platonova@spbu.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Платонова Н.В. К вопросу о стандартах доказы-
вания в практике Верховного Суда РФ по делам о
банкротстве / Н.В. Платонова // Правопримене-
ние. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 132–141. – DOI:
10.52468/2542-1514.2024.8(3).132-141.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Platonova N.V. On the issue of standards of proof in
the practice of the Supreme Court of the Russian
Federation in bankruptcy cases. *Pravoprimerenie =*
Law Enforcement Review, 2024, vol. 8, no. 3,
pp. 132–141. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).
132-141. (In Russ.).